

*Сердюк П. П.,**доктор юридических наук, доцент,
професор кафедри кримінології та уголовно-исполнительного права
Национальной академии прокуратуры Украины*

ДОВЕРИЕ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКЕ – НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ВЫДУМКА?

Аннотация. Статья посвящена довольно болезненной проблеме учёта статистических данных в криминологических исследованиях. Существует практически тотальное недоверие этим данным, вплоть до оценок, констатирующих полную неспособность уголовной статистики сообщать значимую информацию о предмете исследования. Однако в статье приводятся доводы в пользу того, что эти данные небезнадёжны, а наиболее разрекламированные альтернативы намного хуже.

Ключевые слова: выборка, криминальная виктимизация, уголовная статистика, «темная цифра» преступности.

Постановка проблемы. Думаю, ум каждого должен будоражить вопрос, а можно ли доверять данным статистики? Криминологи всех школ и направлений считают данные государственной статистики преступности скомпрометированными. Однако в этом плане звучит не только критика официальной статистики, но и раздаются упования на лекарство от её прегрешений. Первыми в списке сейчас часто выступают виктимологические исследования [1, с. 7–9]. Так было не всегда. И в далёком прошлом, и сейчас используется метод самоотчёта (self-report study). Утверждают, что первым (1943 г.), применившим так широко используемый сейчас метод самоотчёта, был американский криминолог О. Портерфилд. Он сравнил данные статистики ювенального суда и результаты опроса студентов, которые показали, что «скрытые» преступления опрошенных студентов были нередко куда более серьёзными, чем те, которые нашли официальное отражение в статистике [2, р. 199–208]. Увы, но проверка данных исследований, основанных на самоотчётах и виктимологических опросах, даёт основание усомниться в их истинности, а значит, они не менее скомпрометированы, чем данные статистики.

О «тёмной цифре» в преступности заговорили уже в 1930-х гг. Не в последнюю очередь недоверие государственной статистике возникло благодаря шокирующим сравнениям. Например, после смены полицейской администрации в Нью-Йорк Сити в 1950 г. и внесённых изменений в практику регистрации преступлений, количество регистрируемых разбоев увеличилось на 400%, а карманных краж на 700% [3, р. 32].

С тех пор заинтересованная часть криминологов объявила охоту на так называемую «тёмную цифру» преступности. Этот термин более принятый в западной литературе, а у нас используется менее эlegantный термин «латентная преступность». Есть даже красивое сравнение криминологов, охотящихся за «тёмной цифрой» преступности, с охотниками за приведениями [4, р. 1]. Печально, что почти все исследователи заиклись на опросных методах охоты на «тёмную цифру», часто пренебрегая математическими способами охоты, и не достаточно критически относясь к результатам опросных методов [5, р. 41–50; 6, р. 692–712].

Анализ исследования данной проблемы. Кроме обозначенных работ, случались и не такие ранние исследования, датированные 1980-ми, 1990-ми и 2000-ми гг. Вышло так, и это не

должно вызывать малейшего удивления, что наибольший скепсис относительно данных уголовной статистики высказывали исследователи, занимавшиеся проблемой «тёмной цифры» преступности. Р. М. Акутаев в 1988 г. подверг умеренной критике адекватность уголовной статистике отражать искомые криминологические закономерности. Однако его ученик А. А. Амутинов был более непреклонен в недоверии уголовной статистике (2004 г.). А. А. Конев не так резко высказывался о способностях уголовной статистики и регистрации, но именно он предложил относительно новое средство преодоления её aberrации (1993 г.), весьма уповая на открытый им приём, увы, оказавшимся досадной ошибкой, хотя немногие исследователи её заметили, целиком полагаясь на авторитет исследования. З. МакДональд также, исполнивший скепсиса относительно возможностей уголовной статистики, использовал метод, основанный на пробит-регрессии, которая применяется в различных областях, в частности в эконометрике и токсикологии, а в данном случае и в изучении «тёмной цифры» преступности. В. Ф. Оболенцев направил свои усилия в сторону метода экспертных оценок, подчёркивая особые сомнения в способностях уголовной статистики (2005 г.). Трудно было бы не упомянуть и большое исследование проблем скрытой преступности, результаты которого значительно пошатнули остатки возможного доверия к уголовной статистике среди криминологов в её возможности демонстрировать криминологические закономерности. Это исследование авторского коллектива под руководством С. М. Иншакова (2011 г.). Были и другие исследования, в частности, Р. Карл-Хилла и Н. Штерна (1979 г.), С. Филда (1990 г.), Дж. Холса и Н. Стадфорда (1997 г.).

Целью данной статьи является проверка того, действительно ли столь масштабный скепсис в отношении уголовной статистики исключает всякую возможность использования данных уголовной статистики в исследовании вопроса о состоянии и динамике преступности?

Изложение основного материала. Уверенность в невозможности доверять статистике относительно быстро завоевала умы, действуя как мем. Мемы – это единицы культурной информации, распространяемые между людьми посредством имитации, обучения и прочего. Другими словами, идеи распространяются как психо-вирусы, завоевывая человеческие умы с такой же эффективностью, как вирусы в биосфере. Тем не менее, те альтернативы, которые были предложены, как ни странно, ещё более ненадежны, чем принято считать. Прежде всего, нужно отметить, что даже данные переписи населения не такие точные, как может показаться на первый взгляд. Но их достоверность может составлять до 90%. Правда, об этом говорят сами «переписчики». Однако почти во всех странах переписи населения добровольны, поэтому граждане могут отказываться от участия в них или сообщать искажённую информацию. Государство может выровнять эту информацию через паспортный контроль и тому подобные административные меры. И все же, государственные статистические службы

полагаются на последнюю перепись населения, добавляя всё время до следующей переписи число «прибывших» и «убывших» к обществу через естественное движение населения – рождение, смерть, миграцию.

Если мы можем полагаться на эти данные, то почему не можем полагаться на подобный подход, используемый в регистрации преступлений? Тут роль паршивой овцы играет пресловутая заинтересованность органов власти в показателях и их вполне понятная лень и нежелание добавлять себе работу. Но не только это, а ещё восприятие статистики, как результата способности организации регистрации преступности. В таком случае, последние сомнения следует разделить вместе с сомнениями о способностях адекватной регистрации населения в очередных переписях. Какова доля погрешности, в среднем, будет выше, у регистрации населения или у регистрации преступлений? Обычная интуиция подсказывает, что у регистрации преступлений. Что же будет, если использовать наименее скрываемые преступления? Можно ли надеяться на то, что регистрация убийств и/или тяжких телесных повреждений выровняет возможные погрешности? Как бы ни хотелось ответить на этот вопрос утвердительно, но нет, реальность не соглашается.

В таком случае, должна ли статистика восприниматься и использоваться как фундамент исследования, как средство для полного объективного количественного описания реально функционирующего механизма? У нас просто нет иного выхода. Без количественных оценок объективного исследования не может получиться. И это притом, что даже использование количественных методов не гарантирует защиты от недосмотров и ориентированности исследователей.

Но всё же, в большинстве случаев мы можем использовать данные статистики, как своего рода выборку из реальной картины преступности, которая пока недостижима. Кроме, конечно, тех систем, где в норме запредельный учёт сообщений о совершенных преступлениях, как о действительно существующих преступлениях. Её использование можно уподобить выявлению количества эритроцитов в 1 мм³ крови. Единицей счёта служит малый квадрат в сетке, на которую помещают препарат. Его объём равен 1/4 000 мм³. Посчитав эритроциты в 80-ти малых квадратах сетки, Вы умножите их на степень разведения крови и на 4 000, чтобы получить количество эритроцитов во всем кубическом миллиметре. Таким образом, мы можем с большой вероятностью точно предполагать, что такое состояние эритроцитов характерно для всего объема крови конкретного организма. Этот принцип выборки, когда значительные погрешности регистрации делают свое тёмное дело, остается незаменимым для того, чтобы строить корреляции и применять статистико-математические методики для сглаживания погрешностей. Однако идея, что зарегистрированная преступность представляет собой выборку из некоей неизвестной генеральной совокупности, очертания которой пока неизвестны, уже высказывалась ранее [7, с. 15].

Во многих странах, если не сказать, что во всех, где ведется учёт преступности, есть особенности, которые влияют на количество зарегистрированных преступлений. В тех странах, где система предусматривает большое доверие заявителям, когда преступление берется на учёт без предварительной проверки этой информации, зарегистрированных преступлений будет пропорционально больше, чем в тех странах, где такое доверие не в фаворе. Это приводит к тому, что количество зарегистрированных преступлений в регионах страны больше, чем математически ожидаемое число деликтов с учётом дисперсии. Тем не менее, опыт моего исследования показывает, что во многих

случаях показатели всей зарегистрированной преступности в регионах изучаемых стран вполне пригодны для установления корреляций. К сожалению, это не всегда можно сказать об отдельных разновидностях преступности. В них можно заметить значительные противоречия и не состыковки.

Вряд ли было бы разумно не обращать внимания на слона в комнате и игнорировать тот факт, что во многих государствах существует криминализация такого поведения, которое преодолело порог насыщения. В Украине это, например, и в частности, уклонение от уплаты налогов (2012 г.), а в штате Флорида (США) сексуальные отношения вне брака. Есть искушение полагать, что если в официальной статистике эти преступления не занимают в регистрационных ранжирах первые места, хотя они и являются самыми распространенными среди прочих, то тут регистрация не выполняет своей функции выборки. Но ситуация в этом случае иная. Когда в обществе некая практика становится общераспространенной, можно сказать обыденной, то подобного рода криминализация, как бы это не звучало, перестает отражать возможное отклоняющееся от нормы поведение. Посему её перестают пытаться отражать, а то, что попадает в реестр столь незначительно, что похоже на погрешность. В этом случае весьма пригодилась бы теория сторонников использования метода самоотчёта, когда они говорят о необходимости учёта специфики определенного поведения, но ни в коем случае, не обобщать картину преступности вот с такими проявлениями насыщения.

Довольно таки избитым в публикациях на тему уголовно-правовой статистики является утверждение о заинтересованности отчётных органов в искажениях данных. Они столь сильно заделали криминологов, что те, не без влияния пресловутого мема, перестали в статистике видеть те закономерности, которые действительно можно увидеть. К сожалению, в этом вопросе много не только проделок мемов, но и политики. Однако исследователь должен искать выходы из сложившихся, казалось бы, тупиковых ситуаций, и видеть тупики в том, где их не видят другие. Вы, наверное, подозреваете, о чём я говорю? Да, о крайней ненадежности виктимологических опросов для выявления уровня действительной виктимности. Но об этой мозгодробильной проблеме придется поговорить позже. Нельзя не обращать внимания на то, что она не в меньшей мере касается проблемы доверия, чем официальная статистика.

Вот если можно было бы выявить закономерность в погрешностях регистрации преступлений, то тогда можно было бы говорить о доле преступлений, выпадающих из поля зрения. Для лучшего понимания того, что имеется в виду, приведу примеры, которые разделены длительной временной преградой. В 1970 г. прокуроры отменяли около 10% постановлений следователей милиции и 5% постановлений следователей прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела [8, с. 17–21]. В 1992 г. по 65% заявлений граждан возбуждались уголовные дела, по 18% – дела передавались в товарищеские суды, по 2% в возбуждении уголовных дел отказывалось в связи с примирением сторон [9, с. 192]. Оставшиеся 15%, очевидно, относились к доле постановлений, которые отменялись как незаконный отказ в возбуждении уголовного дела. Выходит, что ничего не пропадало? Это вряд ли. В Украине 41% (2012 г.) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела отменялись прокурорами. Довольно много. Но есть мнение, что на этапе регистрации заявлений в журнале (реестре etc.), которые, кстати, тоже проверяются прокурорами, пропадает неизвестная доля обращений о совершенных преступлениях.

Утечка информации есть, но так же есть и проблема поступления информации. Если взять данные по убийствам за 2010 г.

в РФ, то они демонстрируют 14% сомнительных отказов от возбуждения уголовных дел, хотя обстоятельства при которых наступала смерть, указывали на криминал. Конечно, при этом использовалась умозрительная методика с явно интерпретационным подходом [10, с. 114]. Увы, но её весьма затруднительно было бы применить к более многочисленной категории преступлений – преступлениям против собственности. Большая беда всё же в том, что сейчас данным, взятым из виктимологических опросов, предоставляется почти безраздельное доверие, хотя они скомпрометировали себя куда больше, чем официальная статистика.

Уместным представляется проведение параллели между уровнем криминальной виктимизации в странах во время военных конфликтов и в странах с мирной жизнью, в течение одного периода. Например, возьмём войну в Югославии, в течение 1993–1997 гг., то есть времен крупнейших военных противостояний со значительными человеческими жертвами и материальным ущербом. Оказывается, что уровень криминальной виктимизации в этой стране, где разрушена инфраструктура социального контроля и высокая степень упадка жизни населения, даже меньше, чем в странах с мирной жизнью. Так, в течение 1993–1997 гг. в Словении общий уровень криминальной виктимизации был 65,6%, в Македонии – 52,6%, в Югославии – 72,1% [11, р. 120]. В то же время, в Чехии – 68,8%, в Болгарии – 77,2%. И это соседние страны. А в таких странах как Аргентина – 86,7%, в Нидерландах – 77%, в Новой Зеландии – 68,7% [12]. Выходит, что по результатам виктимологических исследований количество потерпевших от преступлений в благополучных странах в относительном измерении может быть выше, чем в странах, где царит война и разруха. Это, конечно же, не так, даже если при этом пренебречь явно заоблачными показателями уровня виктимизации.

Предположим, что уровень криминальной виктимизации действительно составляет, например, 5% ко всему населению страны. Выходит, что количество людей, которые испытали, в частности, тяжкие телесные повреждения в течение пяти лет в Украине, а в большинстве стран опросы демонстрируют значительно превышающую 5% долю тяжких телесных повреждений, составила бы > 11 000 000 человек за пять лет (2001–2005 гг.). Это при условии, что их виктимизация не повторялась бы в течение этих пяти лет, а по результатам исследований повторная виктимизация превышает однократную за период исследования (1 или 5 лет) в три раза. Получилось бы, что 23% населения к медиане населения за 2001–2005 гг., а это активное население, поскольку они чаще становятся жертвами преступлений, получили бы тяжкие телесные повреждения, которые часто ведут к инвалидности. В Украине же на 2013 г. зарегистрировано 5,7% инвалидов относительно всего населения (в 2006 г. – 5,3%). Большая часть из них получили инвалидность вследствие заболеваний или врожденных отклонений, а не травм. Как правило, количество жертв убийств весьма незначительно. В частности, в стране, которая считалась одной из самых неблагополучных по насильственной преступности – США, количество убийств составляет 0,5% к населению. Однако случаются исключения, например, в племени Яномама (север Бразилии, юг Венесуэлы), 30% мужчин погибли от рук других, причем, автор забыл отметить, что такой процент погибших следствие межплеменных войн, которые постоянно шли, даже если хватало пищи, они воевали за женщин [13, с. 69]. А известная математическая пропорция показывает, что чем меньше населения (всего 22 000), тем более погибших в процентном значении.

Анонимность виктимологического опроса и его результатов обуславливают то, что правдивость полученных данных

нельзя перепроверить и большинство респондентов сообщают ложную информацию об их криминальной виктимизации.

Проблема адекватной регистрации преступлений и дальнейшего производства по уголовным делам – это не проблема одного государства. Тут часто встречаются недоразумения, особенно, когда речь идет о немалых цифрах. Но, если дело касается целой страны, особенно, если она не маленькая, то цифры, конечно же, будут большими. Политик и не только, может говорить о существенных злоупотреблениях со стороны действующего правительства и подконтрольных ему правоохранительных органов в отношении утайки реального состояния преступности. Например, утверждалось, что за январь-февраль 2013 г. в Украине было зарегистрировано на 114 569 преступлений больше, чем за соответствующий период 2012 г. По всем видам было зарегистрировано больше преступлений, часто намного больше, кроме наркопреступлений. Вывод позиционировался в пользу того, что последний вид преступности стали сильнее прикрывать [14]. Это напоминает утверждение ранее упоминаемого исследователя о том, что при схожих социально-экономических и демографических отношениях с аналогичным уровнем реагирования системы на преступление, они должны объективно отразить среду, а значит примерно одинаково, могут распределиться отдельные виды и группы преступлений. Если этого не происходит, то тогда действуют факторы, искажающие учёт [9, с. 192]. Можно, конечно, попытаться утверждать, что такое увеличение зарегистрированной преступности связано с изменением цикла преступности и к концу года показатели выравниваются, то есть отправить разрешение этого вопроса в будущее. Можно говорить о том, что социально-экономические условия жизни украинского населения существенно ухудшились по сравнению с началом 2012 г., хотя они и тогда были достаточно тяжкими, чтобы справедливо говорить о том, что 72% населения балансируют на пороге выживания, а поэтому это предположение следует отбросить. Но можно говорить о колебаниях преступности в пределах математически ожидаемого показателя. Тут возникает серьезная сложность в постулате о нормальном распределении при измерении преступности. Не вызывает сомнений, что вышеприведенный пример демонстрирует типичную ситуацию, когда в стране происходит реформа регистрации преступлений в сторону её большей либерализации и доверия заявителю. В любом случае, если исходить из того, что аппетиты по искажению статистики преступности типичные, то тогда такие колебания не должны объясняться манипулированием статистикой.

Выводы. Многие попытки измерить реальное состояние преступности в обществе не такие успешные, как ожидалось. Но это не является основанием для того, чтобы прекратить попытки. Сейчас можно воспользоваться возможностями математики, которые не искажены ложными посылами о пропорциях между видами преступности по функции нормального распределения. Есть возможность учитывать количество народонаселения в определении математически ожидаемого количества преступлений с учётом дисперсии. В наших руках лежит возможность использования пропорционального подхода в сравнении количества преступлений по регионам. А это вооружает новыми возможностями выявления «тёмной цифры» преступности, не пренебрегая при этом естественной закономерностью влияния количества народонаселения на социальные явления, не вдаваясь в использование искусственных аналитических единиц для сравнения. Всё это было бы невозможным, если бы у нас в руках не было такой выборочной совокупности, как официальная статистика. И можно морщить нос от той неполноты, искажений и прочих грехов официальной статистики,

а можно использовать возможности точной науки для того, чтобы исправить то, что имеем.

Литература:

1. Поклад В. И. Проблемы качества информационной базы криминологии / В. И. Поклад // Проблемы якості інформації про злочинність : Криминологічні дослідження. Вип. 4 / Луган. держ. ун-т внутр. справ ім. Е. О. Дідоренка ; [гол. ред. канд. філос. наук В. І. Поклад]. – Луганськ : ПВВ ЛДУВС ім. Е. О. Дідоренка, 2010. – С. 5–11.
1. Porterfield A. Delinquency and Its Outcome in Court and College / Austin L. Porterfield // American Journal of Sociology. – 1943. – Vol. 49. – No. 3. – P. 199–208.
1. Brantingham P., Brantingham P. Patterns in Crime / Paul J Brantingham & Patricia L Brantingham. – New York : Macmillan, 1984. – 344 p.
1. Coleman C. Understanding crime data: haunted by the dark figure / Clive Coleman, Jenny Moynihan. – Buckingham, Philadelphia : Open University Press, 1996. – 180 p.
1. Skogan W. Dimensions of the Dark Figure of Unreported Crime / Wesley G. Skogan // Crime and Delinquency. – 1977. – Vol. 23. – № 1. – P. 41–50.
1. Miller K. The Darkest Figure of Crime: Perceptions of Reasons for Male Inmates to Not Report Sexual Assault / Kristine Levan Miller // Justice Quarterly. – 2010. – Vol. 27. – No. 5. – P. 692–712.
1. Васин Ю. Г. Моделирование в борьбе с преступностью (методология, методика и опыт) : монография / Ю. Г. Васин ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф., С. В. Максимова. – М. : Институт государства и права РАН, 2010. – 190 с.
1. Афанасьев В. С. Незаконные отказы в возбуждении уголовных дел / [В. С. Афанасьев, Ю. Н. Белозёров, А. А. Чувилёв] // Социалистическая законность. – 1971. – № 7. – С. 17–21.
1. Конев А. А. Преступность и проблема измерения ее реального состояния : дис. на соиск. уч. степени д-ра юрид. наук : спец. 12.00.08 / А. А. Конев. – М. : Академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1993. – 403 с.
1. Богданова Л. Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок / Л. Н. Богданова // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 109–114.
1. Simeunović-Patić B. Experiences of the International Crime Victim Survey in Slovenia, Croatia, Macedonia and Yugoslavia / Biljana Simeunović-Patić // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2002. – Vol. 10. – No. 2–3. – P. 117–137.
1. Alvazzi del Frate A. Surveying Crime: A Global Perspective / A. Alvazzi del Frate, O. Hatalak, U. Zvekcic Proceedings of the international conference. Rome, 19–21 November 1998. – Rome : National Institute of Statistics, 2000. [Electronic source]. – At available : <http://rechten.uvt.nl/icvs/pdf/files/surveying.pdf>.
1. Hołyst B. Przestępczość z perspektywy psychologii ewolucyjnej / B. Hołyst // Prokuratura i Prawo. – 2010. – Nu. 1–2. – S. 62–88.
1. Г. Москаль призывает МВД и Генпрокуратуру не манипулировать статистикой. Информационное агентство Уніан, 10.03.2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un-ian.net>

Сердюк П. П. Довіра кримінальній статистиці – необхідність чи вимисел?

Анотація. Стаття присвячена доволі болючій проблемі врахування статистичних даних в криминологічних дослідженнях. Існує, практично, тотальна недовіра цим даним, аж до оцінок, що констатують повну нездатність кримінальної статистики повідомляти значущу інформацію про предмет дослідження. Утім, у статті наводяться докази на користь того, що ці дані небезнадійні, а найбільш розрекламовані альтернативи набагато гірші.

Ключові слова: вибірка, кримінальна віктимізація, кримінальна статистика, «темна цифра» злочинності.

Serdiuk P. The trust to criminal statistics is it necessity or fiction?

Summary. The article is devoted quite painful problem accounting statistics in criminological research. There is virtually total mistrust these data until assessments complete inability to ascertain the criminal statistics report relevant information about the subject. However, the article argues that these data are not hopeless, and most publicized alternative is much worse.

Key words: sampling, criminal victimization, crime statistics, «dark figure» of crime.